

ОДИССЕЙ

человек в истории

ОДИССЕЙ 2023 №2

История науки

В этом номере:

Создавая автобиографию

Историк и изображения

Образ «Другого»

История как игра метафор

2023 №2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История науки

2023

Москва
ИВИ РАН 2023

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.), О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук К.Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ
кандидат исторических наук К.С. ХУДИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.
ISSN 1607-6184

2023. №2 (31): История науки / [гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2023. №2 (31). – 469 с.

В очередном выпуске «Одиссея» читатель увидит новые аспекты проблематики традиционных рубрик издания. В статьях подзаголовка «Святой и общество» феномен святости и связанные с ним религиозные практики рассматриваются как один из важнейших источников знаний о ментальности, поведенческих моделях и системе социально-политических представлений общества и отдельных социальных групп, для которых святой становится значимым символом идентичности. «Образ Другого» - тема, поднимающая вопросы коллективной идентичности и особенностей духовной культуры, раскрывается на материале «Штирийской таблицы народов» (XVIII в.).

В этом номере появились и новые рубрики, в которых рассматриваются приёмы конструирования автобиографии интеллектуалом X в. и особенности антикварного метода при составлении «Обозрений земного круга» в раннее Новое время.

Традиционный раздел рецензий представлен обзорами книги о визуальных интерпретациях дантовских образов, а также мультидисциплинарного издания, проливающего свет на ещё не достаточно изученную историю зарождения ботаники в России времени Петра I.

© Коллектив авторов, 2023

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2023

© Институт всеобщей истории РАН, 2023

Оглавление

СОЗДАВАЯ АВТОБИОГРАФИЮ

Антаподосис Лиутпранда, или Как устроиться на службу при саксонском дворе в X веке.....	9
<i>Брахман А.А.</i>	

СВЯТОЙ И ОБЩЕСТВО

«Терпение, с которым надлежит присваивать реликвии»: О некоторых сюжетах в истории культа св. Цезария Арелатского.....	37
<i>Омельченко Д.М.</i>	

«А дача его образы, и книги, и милостынные денги... - а имянно всего не исписать»: объем и динамика денежных вкладов Ивана Грозного в монастыри.....	69
<i>Шокарев С.Ю.</i>	

Гробница святого в пространстве русского храма XVII века.....	134
<i>Мельник А.Г.</i>	

Быт шиитских паломников в Наджафе и Кербеле в XIX в.....	163
<i>Евстратов А.Г.</i>	

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Антихрист в Вифлееме? От Ван дер Вейдена к Босху.....	183
<i>Майзульс М.Р.</i>	

ОБРАЗ «ДРУГОГО»

«Таблица народов» в контексте культурных стереотипов о русских и немцах раннего Нового времени.....	241
<i>Келлер А.В.</i>	

ИСТОРИЯ КАК ИГРА МЕТАФОР

Политическое тело, микрокосм и зодиакальный человек: метафора тела в английском и французском религиозно-философском и политическом дискурсе XIV–XV вв. 267

Бычков П.С.

SCRIPT / ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ

«Искусство слова»: Протестанты в официальном дискурсе французской монархии XVII–XVIII вв. 297

Пименова Л.А.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Отражение антикварного метода «ветхого любопытника» Уильяма Кемдена в церковно-славянском переводе «Британии» 319

Болдырева Н.А.

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

«Как жил, кого любил, кому руки не подал»: К вопросу об этических оценках поведения студентов исторического факультета МГУ начала 40-х годов XX века 343

Левинсон К.А.

ПУБЛИКАЦИИ

«Святая земля». Глава из «Атласа, или Космографических размышлений о сотворении мира и форме сотворённого» Меркатора-Хондия 381

Герштейн А.Б.

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

«Божественная Комедия» сквозь призму визуальных образов 403

Луцицкая С.И.

Соцветие наук для изучения исторического гербария 409

Ожунева О.В.

IN MEMORIAM

Памяти Найджела Палмера 419

Ганина Н.А.

Женщина в истории. Памяти Натали Земон Дэвис.....428
Уваров П.Ю.

Памяти Эммануэля Ле Руа Ладюри 446
Яцук С.А.

ОБ АВТОРАХ
ABSTRACTS

Contents

CONSTRICTING AN AUTOBIOGRAPHY

<i>Antapodosis</i> by Liutpraud of Cremona, or How to Get a Job at the Saxon Court in the 10 th Century <i>Brakhman A.A.</i>	9
---	---

THE SAINT AND SOCIETY

«The Patience with which Relics Should Be Appropriated» : About Some Stories in the History of the Cult of St. Caesarius of Arles <i>Omelchenko D.M.</i>	37
«His Donations are Icons, Books, and Money... and Everything Cannot Be Enumerated»: the Volume and Dynamics of Ivan the Terrible's Monetary Donations to Monasteries <i>Shokarev S.Yu.</i>	69
A Tomb of a Saint in the Space of a Russian Temple of the 17 th Century <i>Melnik A.G.</i>	134
Life of Shi'I Pilgrims in Najaf and Karbala in the 19 th Century <i>Evstratov A.G.</i>	163

HISTORIAN AND THE IMAGE

Antichrist in Bethlehem? From van der Veiden to Bosch <i>Maizuls M.R.</i>	183
--	-----

IMAGE OF THE "OTHER"

The Table of Nations in the Context of Cultural Stereotypes about Russians and Germans of the 17th — 19th Centuries

Keller A.V.241

HISTORY AS A PLAY ON METAPHORS

Body Politic, Microcosmos and Zodiac Man: Body Metaphors in English and French Religio-Philosophical and Potilical Discourse of the 14th — 15th Centuries

Bychkov P.S.267

SCRIPT / ORALIA: THE WRITT EN AND THE ORAL TRADITION IN THE EARLY MODERN TIME

«Art of the Word»: Protestants in the Official Discourse of the French Monarchy of the 17th — 18th Centuries

Pimenova L.A.297

HISTORY OF SCIENCE

Reflection of the Antiquarian Method of «Old Curious Person» William Camden in the Church Slavonic Translation of «Britainnia»

Boldyreva N.A.319

HISTORIAN AND TIME

«How Lived, Whom Loved, Whom Didn't Shake a Hand with»: on the Question of Ethical Assessments of Students' Behavior on the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University in the Early 1940es

Levinson K.A.343

PUBLICATIONS

The Chapter «Holy Land» in the <i>Atlas, or Cosmographic Meditations upon the Structure of the Universe and the Form of the Created</i> by G. Mercator — J. Hondius <i>Gerstein A.B.</i>	381
---	-----

BOOK REVIEWS

The Dante's «Divine Comedy» with the Eyes of Visual Images <i>Luchitskaya S.I.</i>	403
«Florilegium Scientiarum» and the Study of Historical Herbarium <i>Okuneva O.V.</i>	409

IN MEMORIAM

Nigel F. Palmer <i>Ganina.N.A.</i>	419
N. Zemon Davis <i>Uvarov P.Yu.</i>	428
E. Le Roy Ladurie <i>Yatsyk S.A.</i>	446

LIST OF THE AUTHORS

ABSTRACTS

Быт шиитских паломников в Наджафе и Кербеле в XIX в.

Евстратов А.Г.

DOI 10.32608/1607-6184-2023-31-2-6

Аннотация. Единственным паломничеством в качестве «столпа ислама», предписанным каждому мусульманину, является хадж в Мекку и Медину, однако адепты данной религии совершают «благочестивые странствия» и в другие места. Мусульмане-сунниты признают святые города, в которых находятся желательные для посещения объекты (например, Иерусалим, считающийся «третьим святым городом», и расположенная там мечеть Аль-Акса), вместе с тем, эти паломничества имеют не обязательный, а рекомендательный характер. Шиитские паломничества на землю Ирака — прежде всего в Наджаф и Кербелу, напротив, имеют статус, очень близкий к обязательному. В этих городах покоятся, соответственно, первый и третий шиитские Имамы — Али и Хусейн, в Наджафе с XVIII-XIX вв. сформировался основной центр шиитской учености, а потому сюда устремлены взгляды и помыслы миллионов верующих шиитов. Вместе с тем, шиитское паломничество, как и хадж, — действие не только чисто религиозное, но и социальное. Посетившие святые места люди получают прозвища «кербелай», «наджафи» (также, как и «машхади» - после посещения другого центра паломничества — иранского Мешхеда) и пользуются особым уважением единоверцев. В данном исследовании мы рассмотрим быт паломников к шиитским святыням Ирака (территория расположения которых называлась «Турецкая Аравия», или «атабат») в XIX в., т.к. именно в то время стали стремительно меняться традиционные реалии мусульманского мира вообще и его шиитской части. Эти перемены связаны и с уникальной политической ситуацией (с одной стороны, пребывание шиитских святынь на территории суннитской Османской империи, а с другой — ориентация местного шиитского населения на управляемый династией Каджаров Иран, причем оба государства имели полуколониальный статус), и со стремительным развитием науки и техники, и с весьма своеобразной идеоло-

гической обстановкой. И в Иране, и в Османской империи в XIX столетии проходили светские реформы, кроме того, многие значительные шиитские общины жили на территориях, принадлежавших немусульманским государствам — России и Великобритании.

Ключевые слова: шиизм, ислам, зиярат, Ашшра, Кербела, Наджаф, Имам Али, Имам Хусейн

В центре мировоззрения мусульманина-шиита, помимо жизнеописания пророка Мухаммада, находятся и повествования о Непорочных — прямых потомках пророка, двенадцать¹ из которых являлись шиитскими Имамами. Последним приписывается непогрешимость в продолжении пророческой миссии и абсолютный авторитет в истолковании истинного смысла Корана и самой сути ислама. Наиболее популярными Имамами считаются первый из них — Али (двоюродный брат и зять Мухаммада, женатый на его дочери Фатиме) и третий — Хусейн (внук Мухаммада, сын Али и дочери Пророка Фатимы). Гибель обоих признается шиитами мученической. Согласно шиитской традиции, они пали за истинный смысл исламской веры, пошлина шахадат, мученическую гибель. Али в 661 г. был убит в мечети иракского города Куфа членом секты хариджитов. Хусейн со своими родственниками пал в битве с войсками халифа-узурпатора Йазиды у города Кербела в 680 г.² Мавзолей Али и Хусейна, находящиеся в Наджафе и Кербеле соответственно, являются важнейшими после Мекки и Медины местами паломничества, зиярата, для шиитов всего мира, а траур по ним — основами шиитской религиозности и обрядовой практики.

На протяжении XIX в. к этим святыням ежегодно прибывало от 100 до 150 тысяч верующих³. Шли они туда разными путями и из разных мест. В основном путь паломников лежал через территорию каджарского Ирана — главного политического центра шиизма. Шииты Афганистана и Индии следовали с востока на запад — через центр северо-восточной иранской провинции Хорасан — Мешхед и столицу страны Тегеран. Шииты Российской империи — с севера и северо-запада, через Тегеран, Табриз и Решт. Ключевым пунктом

¹ Всего Непорочных в шиизме 14: помимо Имамов, это сам пророк Мухаммад и его дочь Фатима.

² *Большаков*. 1998: 200.

³ *Аверьянов*. 1912: 39.

следования пилигримов был иранский город Керманшах — именно здесь сходились практически все маршруты, которые затем вели в приграничный Ханекин.

Иранцев ежегодно в святых местах Ирака было более 50 тысяч, а, например, мусульман Российской империи — в среднем 13,5 тысяч. Основная масса паломников из России была представлена шиитским населением Южного Кавказа (проживающими на территории Бакинской и Елизаветпольской губерний ираноязычными талышами, татами, а также тюркоязычными кавказскими татарами, которых позже, уже в начале XX столетия, станут именовать азербайджанцами), тогда как Центральная Азия давала не более нескольких сотен человек (в основном проживавших в регионе по торговым делам иранцев)⁴. Большинство пилигримов передвигалось на лошадях, меньшинство — пешком⁵.

Огромное значение для шиитского паломничества из России имело открытие в 1891 г. Закаспийской военной железной дороги (далее — ЗВЖД), соединившей прикаспийский порт Красноводск с Самаркандом. Несмотря на ее основное назначение (перевозку военных грузов и войск), на ней появилось и пассажирское сообщение, ради компенсации расходов на строительство и эксплуатацию. Использовалась данная ветка мусульманами-шиитами не только Центральной Азии (Туркестана), но и Кавказа, попадавшими паромом из Баку в Красноводск, а оттуда по указанной железной дороге — к пограничным пунктам Душак, Каахк или Гаудан. Затем часть паломников двигалась в Мешхед как конечный пункт своего странствия, а часть направлялась далее на юго-запад — к ирано-османской границе и оттуда — в Ирак⁶.

⁴ Литвинов. 2014: 38.

⁵ Васильев. 2013:11.

⁶ Norman. 1902. 236.

Илл. 1: Транскаспийская железная дорога, конец XIX в.

Считается, что из Хорасана (северо-восточная провинция Ирана) до Тегерана пилигримы должны были преодолеть около 600 км, что занимало 30-45 дней.

Первоначально настроенно относившаяся к эксплуатации дороги паломниками российская администрация в конце XIX столетия стала, наоборот, всячески ее стимулировать — не только рассчитывая на приток средств в казну, но и в целях обеспечения контроля над передвижениями мусульманского населения. Наиболее активная пропаганда использования железнодорожной ветки имела место в бытность начальником ЗВЖД генерала М.Н. Анненкова. По его приказу путеводитель по этой дороге и расписание движения поездов печатались на лучшей бумаге и непременно с портретом правившего в 1848 — 1896 гг. иранского шаха Насир ад-Дина⁷ (напомним, что большинство шиитов русского Туркестана являлись персами, так или иначе отождествлявшими себя с каджарской монархией). Считается, что Закаспийская (позже — Средне-Азиатская) военная железная дорога сократила время пути для паломников к шиитским святыням Ирака в 3-4 раза⁸.

Впрочем, пеший и конный путь пилигримам все же предстоял

⁷ Dobson. 1890:127.

⁸ Литвинов. 2014:38.

даже после открытия ЗВЖД — он начинался сразу после пересечения границы Ирана, не имевшего развитой железнодорожной, равно как и шоссейной, сети. Этот путь был тяжел и полон опасностей, поэтому особое значение имели хороший проводник, наличие оружия и денежных средств, а также в известной степени удача.

Функцию проводников выполняли чавуши — не только проводники, но и организаторы паломнических экспедиций, их руководители, выполнявшие в пути также и административные, и даже, в случаях возникновения конфликтов между паломниками, судебные функции. Именно чавуши взаимодействовали с местными властями, подыскивали места для ночлега, решали вопросы обеспечения паломников пищей и водой, а также их безопасности. По информации российского консульства в Багдаде, только на принадлежавших Российской империи территориях Закавказья таких проводников с расширенными функциями было 97. Действовали они и в Иране, а также в других сопредельных странах. Очевидно, что данная профессия являлась прибыльной, и ее, особенно в реалиях патриархальной семьи, старались передавать по наследству⁹.

Каждый год, примерно за два месяца до священного для шиитов месяца мухаррам — первого в лунном календаре и «запретного» для ведения войн и иных конфликтных действий, и предпочтительно до поста, чавуши начинали разъезжать по деревням мусульманских регионов Южного Кавказа и купеческим кварталам городов Прикаспия. Они призывали верующих на зиярат — паломничество — в назначенное место и в установленное время. Как правило, основная масса паломников шла в Наджаф, Кербелу, а также в Самарру и Казимейн либо в Мешхед к первым десяти дням месяца мухаррам, особенно к его первому числу (день Ашура), когда, по их поверьям, и был убит Имам Хусейн. Также важно было оказаться там на 40-й день гибели Имама — Арбаин. Прибывали паломники, пусть и в меньших количествах, и к другим датам, например, в день рождения пророка Мухаммада (мавлид), в ночь Аль-Кадр, когда «были ниспосланы первые аяты Корана» и др.¹⁰ Вместе с

⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд Генеральное консульство в Багдаде. Оп. 912. Д.18 «Паломники-шииты в 1910 — 1913». Л. 20.

¹⁰ Хадисы о ночи предопределения (Лейлят аль-Кадр) // URL: <https://shia.world/hadisy-o-nochi-predopredeleniya-lejlyat-al-kadr/> (Дата обращения: 27.05.2023).

тем, в жаркое время года и в период полевых работ, на которые в отдельные годы выпадали священные месяцы, паломников было по понятным причинам значительно меньше¹¹. Все это предполагало относительно точный расчет чавушами продолжительности пути, с тем чтобы быть на месте к назначенному времени¹².

Каждый паломник ехал на собственной лошади, везя с собой сдельную суму, где обычно была сменная пара белья, верхняя одежда и дорожные припасы. Как было отмечено выше, имелись и пешие паломники, которые присоединялись к караванам по ходу их следования. При этом пеших паломников было меньшинство, не более пяти процентов от общего числа¹³. Надо отметить, что это была наиболее бедная часть пилигримов, в частности, если каждый конный паломник тратил на свое путешествие примерно 75 рублей по соответствующему курсу валюты, то пеший — лишь 25¹⁴.

Каждая группа, согласно оценкам российских чиновников и сотрудников багдадского консульства, состояла из 70¹⁵-150¹⁶ человек. Такое количество было оптимальным: не слишком большим, что позволяло обеспечивать участников всем необходимым, и не слишком малым, что отпугивало мелкие разбойничьи шайки, орудовавшие практически на всем протяжении паломнического пути. Почти каждый из странников был вооружён; они имели все распространенные в XIX в. виды стрелкового оружия. Например, по данным российского консульства в Багдаде, паломники владели не только старинными кремневыми и дульнозарядными ружьями, но и новейшими скорострельными винтовками и карабинами Бердана, производившимися в США и Российской империи, а также американскими винтовками Пибоди. Оружие новейших образцов привлекало внимание турецких властей на османо-иранской границе, т.к. было действительно грозным для своего времени, а его захват бедуинскими племенами в ходе разбойничьих нападений последних представлял угрозу в глазах османской администрации¹⁷. Впрочем, бедуинские разбойники встречались шиитским паломникам лишь в конце их

¹¹ Васильев. 2013: 11.

¹² Ардашникова, Коняшкина. 2022: 25.

¹³ Васильев. 2013: 12.

¹⁴ Васильев. 2013: 12.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ардашникова, Коняшкина. 2022: 25.

¹⁷ Васильев. 2013: 14.

пути — уже на иракских землях, в то время как на иранской территории им угрожали курдские или туркменские бандиты. Вместе с тем Иран в XIX в. и особенно в длительный период правления монарха-реформатора Насир ад Дин-шаха из династии Каджаров (1848 — 1896 гг.) представлял собой относительно безопасное место, даже в сравнении с европейскими государствами, а насилие на его территории редко принимало угрожающие масштабы¹⁸.

Ночлег паломников зачастую был сопряжен со множеством проблем и неудобств. Лишь в некоторых сравнительно немногочисленных местах к их услугам были крупные и комфортные караван-сарай. Такой приют, предоставлявший путникам чайханы, торговые ряды, комнаты для постояльцев, располагался, например, в приграничном Ханекине, первом на пути пилигримов населенном пункте с османской стороны границы. Большая часть мест отдыха могла, однако, предложить лишь навесы для людей и животных с очагом посередине, иногда также и комнаты без окон, в которые чаще помещали грузы, чем заселяли людей¹⁹.

Услуги постоя были платными, от чего, как правило, освобождались чавуши, приводившие владельцам караван-сарая постояльцев и таким образом увеличивавшие их доход. Помимо паломников, их лошадей, скарба, продовольствия, с караванами передвигались и мертвецы либо их костные останки. Последние иногда сохраняли остатки плоти, иногда были перемолоты в порошок — в этом случае их насыпали в табачные кисеты. Покойников перевозили для перезахоронения на окропленной кровью Имамов Али и Хусейна, а значит, священной земле Ирака²⁰. Такие «грузы», предварительно сохраненные в глиняных склепах-сардабах, а затем извлеченные оттуда и завернутые в пропитанную камфорой ткань, перевозились в специальных ящиках. Российское консульство в Багдаде к началу XX в. зафиксировало стремительный рост количества подобных перевозок: только с 1908 по 1910 гг. их число выросло примерно с 3 до 5 тысяч в год²¹. Караваны с покойниками, как правило, источали жуткий запах мертвечины, даже тогда, когда такого рода грузы бы-

¹⁸ *Browne*. 1928: 470.

¹⁹ *Мехмед Хуршид эфенди*. 1877.

²⁰ АВПРИ. Фонд Генеральное консульство в Багдаде. Оп. 912. Д.18 «Паломники-шииты в 1910 — 1913». Л. 83.

²¹ АВПРИ. Фонд Генеральное консульство в Багдаде. Оп. 912. Д.18 «Паломники-шииты в 1910 — 1913». Л. 93.

ли «упакованы» по всем необходимым правилам. Поэтому неудивительно, что перевозчики старались наполнить погребальные ящики айвой или яблоками, стремясь хоть как-то перебить зловоние. Иногда эти фрукты затем продавались на рынках Кербелы или Наджафа. Также в погребальных ящиках скрывали шелк или другие товары, облагавшиеся в случае обнаружения пошлиной, которые также затем реализовывались. Все это, разумеется, не могло не ухудшать санитарно-эпидемиологическую ситуацию в священных землях, однако османское правительство в основном не препятствовало ввозу мертвецов, т.к. похороны облагались официальным налогом. Более того, османские власти поддерживали шиитских духовных авторитетов, признававших законным перезахоронение покойников в земле Кербелы и Наджафа в противоположность тем, которые запрещали такую неоднозначную практику.

Ключевым пунктом на пути паломников был упомянутый выше приграничный город Ханекин, поскольку там начиналась территория Османской империи и именно оттуда паломники выбирали, куда двигаться дальше — на север в Самарру, либо на юг в Казимейн. От каждого из этих городов, также располагавших святынями, пусть и меньшего значения, и являвшихся местами паломничества, дороги вели на Наджаф и Кербелу. Шиитский зиярат, в отличие от паломничества в Мекку и Медину, не имеет четко установленного порядка, поэтому путь следования по святым местам зависел от общего желания членов конкретной группы и от воли ее чавуша.

Выше мы отмечали, что помимо мавзолея Хусейна в Кербеле и Али в Наджафе земля Ирака располагала и другими святынями, которые паломники также стремились посетить. В частности, в Казимейне находятся мечети с гробницами сразу двух шиитских Имамов — Мусы аль-Казима и Мухаммада ат-Таки. В Самарре жили и покоятся останки десятого и одиннадцатого Имамов — Али аль-Хади и Хасан аль-Аскари соответственно, а также «пропал» последний в ряду шиитских Непорочных²². Если десятый и одиннадцатый Имамы в указанном городе жили, умерли и были преданы погребению, то двенадцатый там родился и там же «ушел в сокрытие», в котором, согласно преданиям, пребывает до сих пор. «Соккрытие» Имама Махди, в свою очередь, является важной частью шиитских

²² Ардашников, Коняшкина. 2022: 25.

верований: Имам, преследуемый врагами, скрылся сначала от их глаз, а затем и от своих сторонников. Как верят шииты, Махди не только не умер до сих пор, но и незримо присутствует среди верующих, время от времени открываясь самым благочестивым среди них и наставляя их. Считается, что явление Имама Махди произойдет в конце времен, когда, с одной стороны, верующие будут к этому готовы, а с другой стороны, будут явлены знаки — от появления великого тирана (Суфьяни) до «гласа с неба». Вернувшийся к людям Имам донесет до всех истинный смысл Корана и хадисов, восстановит на всей Земле истинный закон ислама — шариат — и исламское правление, которое принесет мир и справедливость.

Почитание Имамов сложилось у шиитов сразу же после смерти пророка Мухаммада и основывалось на ряде хадисов, историй из его жизни, многие из которых признаются достоверными и суннитами. Что касается паломничества к их могилам, то эта традиция появилась несколько позже — не ранее X-XI вв., когда вокруг мест погребений стали возникать мечети и мемориальные комплексы, быстро получившие широкую известность и популярность среди верующих.

Состояние мемориальных комплексов, несмотря на заботу о них как персидских, так и османских властей, время от времени расширявших и перестраивавших, украшавших и совершенствовавших имевшуюся инфраструктуру, в разное время было разным. В частности, Кербела за XIX в. дважды подвергалась страшному разграблению. В 1802 г. это сделали пришедшие из Аравии ваххабиты первого саудовского государства, не только разорившие город и гробницу Имама Хусейна, но и убившие несколько тысяч паломников и уведшие в пустыню 4000 верблюдов с добычей. В 1835 г. набег на Кербелу совершил османский наместник Али-Риза паша²³. Он, захватив город ненадолго и сам будучи членом околошиитского ордена бекташей, провозгласил своей целью борьбу против шиитских криминальных кланов, чем и объяснил свои жестокие действия.

Тем не менее, Кербела в XIX в. представляла собой крупный город с 60 тысячами постоянных жителей и зачастую не меньшим количеством паломников. В Наджафе в то же время проживало 30 тысяч человек. Казимейн, являвшийся пригородом Багдада, и Са-

²³ Nakash. 1994: 198.

марра были гораздо меньше — их население насчитывало не более нескольких тысяч жителей. Вместе с тем, паломники увеличивали их количество в разы²⁴.

Необходимо отметить, что со времен Аббасидского халифата практически все мало-мальски значимые шиитские правители принимали участие в украшении и поддержании должного состояния шиитских святынь, занимались новым строительством на привлекающих к ним территориях. Шах Исмаил I из династии Сефевидов, правивший в 1501 — 1524 гг. и сделавший Иран управляемым на основе шиитских норм государством, например, перестроил и расширил мечеть седьмого Имама Мусы аль-Казима в Казимейне. Основатель династии Каджаров Ага Мохаммед хан (официально считавшийся шахом с 1796 по 1797 гг.) покрыл золотом ее купол. Он же расширил и построенную еще в X в. мечеть Имама Хусейна в Кербеле. В XIX в. для иранских шахов из династии Каджаров (1795-1925 гг.) поддержка святынь и их обслуживающего персонала, религиозных ученых-улемов, покровительство паломникам имели особое значение, поскольку Ирак находился на территории суннитской Османской империи, но его шиитское население не признавало султана своим духовным главой. Влияние Ирана в шиитских районах Ирака всегда было значительным, что, помимо прочего, вызывало беспокойство османских властей. В 1820-е гг., а задолго до того — в XVI — XVII вв. и на протяжении большей части XVIII в., обе страны даже воевали за Ирак (только крупных войн между ними за указанный промежуток времени было десять), на протяжении многих веков являвшийся значимым регионом — как экономически, так и политически и стратегически. Последнее крупное столкновение 1821 — 1823 гг. в военном отношении завершилось для Ирана успешно, а его войска заняли на несколько лет большую часть территорий Ирака на юге и Западной Армении на севере, не продвинувшись дальше лишь из-за разразившейся в 1822 г. эпидемии чумы. Границы между государствами в целом, при посредничестве Великобритании, вернулись к довоенным: соответствующее положение было закреплено договором в Эрзуруме в 1823 г.

После этих войн активное финансирование иранскими шахами религиозных комплексов было продолжено. Например, третий шах каджарской династии Мохаммед (1834 — 1848 гг.) одарил мечеть

²⁴ Там же.

в Кербеле серебряной усыпальницей, в которую поместили останки Имама Хусейна. Его сын Насир ад-дин шах, посетивший святыни Ирака в 1870 — 1871 гг., в свою очередь сделал опись сокровищницы этой мечети, средства из которой должны предполагалось выделить на госпитали и приюты, хотя эти планы так и не осуществились²⁵.

Наиболее значимым для каждого шиита местом атабата, состоящего из четырех городов, «святых порогов», паломничества в Ирак, являлось пространство мечети Имама Хусейна в Кербеле, где он, смертельно раненный в битве против войск халифа-узурпатора Йазида, упал с коня. Это произошло в 680 г. во время битвы при Кербеле, в ходе которой отряд Имама из 71 человека — в основном его родственников — сразился с трехтысячной (по другим данным — десяти тысячной) армией халифа. Ранее Хусейн отказался принести присягу на верность узурпатору, начав неравную борьбу, закончившуюся его мученической гибелью. И упомянутая борьба, и гибель Имама, и место самой гибели занимают важное место в шиитском мировоззрении, ориентированном на борьбу за справедливость и готовность к самопожертвованию и мученичеству. Место падения Хусейна с лошади отмечено специальным углублением и считается сакральным особенно почитаемым. К нему верующие приближаются на коленях, не вставая на ноги, в знак высшей степени почтения и траура.

Сама почва Кербелы и других религиозных центров Ирака воспринималась шиитами как священный объект: возвращаясь домой, они стремились захватить с собой хотя бы горсть местной земли. С таким поверьем связано упомянутое выше стремление похоронить родственников именно близ омытых кровью Имамов-мучеников святынь. Многие мусульмане, умирая, сами завещали похоронить себя именно в этих местах. Помимо Имамов, согласно шиитским поверьям, на месте святынь Ирака ранее молились все пророки от Адама до Мухаммада, а также совершали подвиги сподвижники Непорочных, например, особенно почитаемый брат Имама Хусейна Аббас. Более того, в шиитской среде сложилась легенда о том, что Иисус — пророк Иса ибн Марьям в исламе, был рожден в Кербеле²⁶.

Вне сомнения, Наджаф, Кербела и другие святыни Ирака были

²⁵ АВПРИ. Фонд «Миссия в Персии». Оп. 528а. Д. 747.

²⁶ *Огородников*. 1878: 272.

связаны с многочисленными чудесами, рассказы о которых были в ходу у паломников и местных жителей, — камни с родины пилигримов самостоятельно волшебным образом «приходили» сюда вместе с ними, а павшие Имамы «карали» верующих за невыполнение ими священных обетов.

Шиитские святыни были не только обителями мертвых, пусть и пребывающих вместе с живыми, но и крупными центрами религиозной философии и теологии, в которых протекала деятельность шиитских богословов. К примеру, в Наджафе в конце XIX — нач. XX вв. проживало и трудилось около 2 тысяч муджтахидов²⁷ — шиитских религиозных ученых, имевших право на собственные религиозно-правовые исследования (иджтихад) и вынесение религиозно-правовых заключений (фетв). В основном это были богословы иранского происхождения, потомки которых (зачастую — тоже богословы) проживают там и в наши дни. Первые такие ученые стали переселяться в священные земли Ирака в XVII в., однако основная их масса пришла в эти места в XVIII столетии, в период политической нестабильности в Иране, нашествий на страну афганцев и нетерпимости по отношению к шиитам «последнего великого завоевателя Востока» Надир-шаха (1736 — 1747 гг.), исповедовавшего суннизм и проводившего жесткую политику по суннитизации страны²⁸. В результате в Наджафе сформировалась сильнейшая, наряду с Кумской в Иране, религиозная школа, известная и почитаемая поныне.

С именами наиболее популярных ученых-улемов также были связаны истории о чудесах. К примеру, при приближении религиозного законодателя-муджтахида из Самарры Мухаммада Хасана Ширази к мечети, где он намеревался молиться, замки на ее дверях «спадали сами собою»²⁹. В силу этого паломники стреми-

²⁷ *Cetinsaya*. 2006: 99.

²⁸ Надир-шах Афшар (1735-1747) — персидский шах, основатель династии Афшаридов, выдающийся политический и военный деятель, полководец. Сын пастуха, добившийся высот, благодаря личным качествам. В годы правления Надир-шаха пришедшая в упадок в первой трети XVIII столетия Персидская держава вернула былое могущество. Шаху удалось включить в состав государства Южный Кавказ, часть Дагестана, Афганистан, ханства Центральной Азии, а также Белуджистан и север Индии. При жизни Надир-шаха сравнивали с Александром Македонским, а после смерти его талантами восхищался Наполеон.

²⁹ АВПРИ, фонд «Политархив». Оп. 482. Д. 342.

лись увидаться с религиозными авторитетами, указаниями которых руководствовались (в шиизме сформировался институт «таклида», т.е. «подражания» простых верующих муджтахиду, следования его фетвам), не только ради прояснения тех или иных религиозных вопросов, но и просто для того, чтобы увидеть их воочию, «дотронуться» до людей, имевших сакральный статус.

Надо отметить, что деятельность шиитских улемов не ограничивалась чисто религиозными функциями, вроде предстоятельства на молитвах и разъяснения тех или иных моментов шариатского права — они преподавали богословие студентам, которых часто содержали за свой счет, имели представителей (вакилей) в разных регионах и даже странах, помогали приютам, больницам, школам и другим учреждениям. Все это делалось в основном на средства от эксплуатации вакуфных, т.е. переданных государством или светскими жертвователями на религиозные и благотворительные цели земель и значительных подаяний, получаемых учеными, в особенности, разумеется, самыми известными, популярными и уважаемыми среди верующих. Именно их окружало наибольшее количество «мукаллидов», т.е. подражателей, следовавших их фетвам. Подобная система в основном сохраняется и до наших дней: такие религиозные лидеры, как аятолла Систани, аятолла Ширази или аятолла аль-Хаким, контролируют значительную интернациональную инфраструктуру, зачастую заменяющую собой сравнительно слабое государство в Ираке и в других странах (Ливан, Сирия, Судан, Афганистан и др).

Шиитские улемы Ирака были независимы как от османских, так и от персидских властей. Например, упомянутый выше «чудотворец» Хасан Ширази из Самарры отказался даже явиться на поклон к шаху Насир ад-дину, когда тот посетил его резиденцию в 1871 году. Более того, улем, не согласный с реформами своего визави в Иране и имевший собственные, куда более фундаменталистские представления о справедливом шиитском правлении, назвал шаха притеснителем (залимом) и отказался от подарков монарха³⁰. Не могли всерьез повлиять на независимые религиозные, общественные и политические позиции улемов ни иранские консулы, ни турецкие губернаторы-вали.

³⁰ АВПРИ, фонд «Политархив». Оп. 482. Д. 342.

Простое население священных шиитских городов было в основном занято обслуживанием паломников: производило предметы религиозного обихода — четки, камни-мохуры, к которым молящиеся шииты прикладывают лоб в земном поклоне, моленные коврики и др., а также помогало в погребальных ритуалах. Каждое такое погребение, кстати, имело свою цену, зависящую от того, где конкретно располагалась могила. К примеру, место в священной ограде Эль-Хадра близ усыпальниц Имамов стоило пятьдесят османских лир, на территории мечети — от пяти до семи, в ее пристройках — две, в галереях — полторы, а вне городов, на священных равнинах — пятьдесят пиастров. Примечательно, что для местного населения погребение на священных равнинах было бесплатным.

В шиитских священных городах либо близ них часто селились сунниты, прежде всего по соображениям безопасности. Здесь населению мало что угрожало, и на фоне остальных регионов Османской империи шиитские территории выделялись спокойствием и минимумом бытовой агрессии жителей. Впрочем, бандиты здесь все же присутствовали, например бедуины, которые, однако, действовали вдали от городов, в пустыне. Там защитой от них служили хорошо укрепленные караван-сарай.

Формально паломники хоть как-то учитывались только в Ираке, конкретно — на ирано-османской границе, прежде всего в Ханекине, где турецкая администрация выдавала им специальные паспорта, в которых фиксировались личные данные путников и записывались их приметы. Впрочем, делопроизводство на контрольно-пропускных и санитарных пунктах велось спустя рукава: отвечавшие за это чиновники удалялись на время молитв и по другим делам, несмотря на то, что поток странников не иссякал и не останавливался³¹. Более того, крайне неоднозначно выглядела и сама процедура этой «переписи», поскольку она касалась лишь взрослых мужчин и ни коим образом не учитывала следовавших вместе с ними женщин и детей. Паломники, как правило, не имевшие до пересечения османской границы вообще никаких документов, могли сообщать и сообщали ложные сведения о своем происхождении и иные данные, которые проверить не было возможности. В основном османскую администрацию интересовало наличие у прибывавших скорострельных винтовок: их изымали и отдавали владельцам по

³¹ *Мехмед Хуршид эфенди. 1877.*

возвращении. Тем не менее, именно османская документация долгое время была единственным источником относительно количества, национального состава и иных данных о шиитских паломниках в Ираке. Открывшееся позже русское консульство в Багдаде изрядно дополнило эти сведения, в то время как представительства других стран, например, Франции, также имевшиеся на рассматриваемой территории, мало интересовались шиитским вопросом, практически не имея шиитов среди своих подданных. Естественно, что в то время как османская администрация в Ираке стремилась, пусть и без особого успеха, учитывать всех прибывающих паломников-мужчин, русское консульство интересовали прежде всего мусульмане Российской империи. Следует отметить, что основная часть османской документации в силу распада империи и военно-политических перипетий в Ираке на протяжении XX столетия оказалась утерянной, а сохранившиеся сведения представлены в основном сухой статистикой. Российские данные, попавшие в Архив внешней политики Российской империи Историко-документального департамента МИД РФ, наоборот, помимо статистических и учетных материалов изобилуют этнографическими и культурологическими данными.

Через Иран шиитские паломники, как правило, проходили все без документов. Впрочем, и российские шииты, отправляясь в паломничество, в массе своей не имели каких-либо удостоверений личности и с огромным трудом и крайне неточно учитывались местными властями как в Закавказье, так и в Средней Азии. Несколько улучшилась ситуация к концу XIX в., особенно в бытность начальником Закаспийской области (обширной административной единицы Российской империи со столицей в Асхабаде (совр. Ашхабад), через которую проходила Закаспийская военная железная дорога) генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина³². Тем не менее, в целом принципиально улучшить учет шиитских паломников Российской империи так и не удалось.

Наряду с национальным, крайне пестрым был и социальный состав прибывавших к шиитским святыням паломников. Эти люди представляли практически все социальные группы, включая и бедняков, следовавших к святым местам пешком, зачастую на последние средства. Вместе с тем, как было отмечено выше, основ-

³² Литвинов. 2014: 39.

ная масса странников все же имела лошадь, на которой и пускалась в свое благочестивое путешествие. Показателем относительно высокого социального статуса можно считать следование с мужчиной его жены и детей, поскольку конное путешествие женщины в то время предполагало выделение ей, как минимум, еще одной лошади или мула и такого недешевого приспособления, как паланкин. Альтернативой последнему могла стать каджаве — две корзины, висевшие по обеим сторонам спины животного. Поскольку у мусульман-шиитов Ирана и российского Закавказья, тем более в сельской местности, могло быть несколько жен (в города, напротив, пусть и очень медленно, но проникали светские нравы — особенно это касается второй половины XIX столетия³³), бывало, что все они отправлялись в путь. Это подразумевало, разумеется, дополнительные расходы и относилось к семьям высокого социального статуса и имущественного положения — сельских феодалов, среднего и высшего духовенства, городского купечества (как правило, очень консервативного), вождей кочевых племен и их племенной аристократии и др.

Сохранилось описание паломнического кортежа шаха Насир ад-Дина, включавшего в том числе и экипажи нескольких его жен (всего в гареме шаха за период его правления состояло 85 женщин). Несмотря на вполне заслуженную репутацию реформатора — при нем в Иране были открыты первые в стране газета, школа для девочек и университет, расширена и модернизирована военная промышленность, укреплена армия, развивалась фотография — сам шах, несмотря на увлечение балетом после посещения России, в семейно-бытовой сфере оставался консерватором и патриархальным главой.

Вне сомнения, зиярат шаха Насир ад-Дина, не раз уже упомянутого нами выше, был наиболее великолепным и пышным. Монарх, который много путешествовал и после этого странствия и писал не меньше, рассказал о своем благочестивом путешествии в специальном дневнике.

Шах отправился во главе громадной свиты, которую можно было бы скорее определить как настоящую армию. В нее входили караван из полутора тысяч мулов и двух тысяч верблюдов с необходимыми товарами, припасами и подарками, колесные экипажи и

³³ Иванов, Дорофеева. 2018: 48.

медицинские повозки, паланкины, отряд стрелков, некоторое количество артиллерии с обслугой, декоративный конный эскорт, личная стража монарха верхом на конях (фарраши), его гвардейцы-гулямы и иррегулярная кавалерия³⁴.

Очевидно, что и пребывание шаха в Святой земле отличалось от полной тягот, неудобств, болезней и притеснений со стороны османской администрации жизни простого паломника. Последний обирался местными турецкими властями нещадно. К примеру, на деле плата за погребение в священной земле могла достигать до 350 рублей, в пять раз превышая все затраты паломника на его путешествие. Кроме того, османскую администрацию в принципе крайне беспокоило наличие компактно проживающего шиитского населения и перспектива распространения шиизма в Ираке и за его пределами, прежде всего за счет арабов и курдов, проживавших поблизости. Независимое положение шиитских муджтахидов, их связи за пределами империи и финансовые ресурсы, наряду с притоком сотен тысяч паломников, также не добавляли османским властям лояльности. Если местные шииты, пусть и простые, были так или иначе встроены в действующие патриархальные, религиозные или политические структуры, то про паломников этого сказать было нельзя, а значит, основной массив притеснений приходился на них.

Реалии шиитского паломничества в Наджаф, Кербелу и к другим святыням Ирака в XIX в., помимо прочего, ярко свидетельствовали об упадке Ирана и Османской империи и демонстрировали последний этап в существовании этих государств: уже в начале XX в. обе империи потрясут революции, и они, вместе с их обществами, канут в Лету. К 20-м гг. нового века надолго прекратится и шиитское паломничество к иракским святыням. Ирак будет контролировать Великобритания, отношения которой с постреволюционным Ираном, все более светским, станут крайне сложными, причем иракские шиитские муджтахиды подвергнутся давлению и в значительной своей части будут выселены на иранскую территорию. Шииты Российской империи, прекратившей свое существование в 1917 г., и вовсе окажутся вне религии на долгие годы. Тем не менее, сложившаяся в XIX в. паломническая традиция, география и даже инфраструктура восстановятся во второй половине XX — начале

³⁴Насер ад-Дин-шах. 1993: 5.

XXI столетий, после падения в Ираке режима Саддама Хусейна и последовавшего затем шиитского возрождения страны, продолжающегося до настоящего времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- – *Аверьянов П.И.* Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи. СПб, 1912. 80 с.
- – Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд Генеральное консульство в Багдаде. Оп. 912. Д.18 «Паломники-шииты в 1910 — 1913».
- – Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Там же. Фонд «Миссия в Персии». Оп. 528а. Д. 747.
- – Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Там же. Фонд «Политархив». Оп. 482. Д. 342.
- – Мехмед Хуршид эфенди. Сияхэт-намэ-и худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе. СПб, 1877. URL: <https://drevlit.ru/docs/iran/XIX/1840-1860/Hurschid/text22.php>. (дата обращения: 25.05.2023).
- – Насер ад-Дин-шах. Сафар-намебеатабат. Ред. 'Аббаси, Мухаммад Реза; Бади'и, Парвиз. Тегеран: Энтешарат-е сазман-е оснад-е мелли-йе Иран (Издательство Фонда национальных документов ИРИ). 1372 (1993).
- – Хадисы о ночи предопределения (Лейлят аль-Кадр) // URL: <https://shia.world/hadisy-o-nochi-predopredeleniya-lejlyat-al-kadr/> (Дата обращения: 27.05.2023).
- – Dobson G. Russia's railway advance into Central Asia. Notes of journey from St. Peterburg to Samarcand / G. Dobson. London, 1890. 497 p.

Литература

- – *Ардашникова А.Н., Коняшкина Т.А.* Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 1. С. 20-32.
- – *Большаков О.Г.* История халифата: в 4 т. М., 1998. Т. 3: Между двух гражданских войн (656 — 696). 382 с.
- – *Васильев А.Д.* Паломники из России у шиитских святынь Ирака (конец XIX века) // Восточный Архив, №1 (27), 2013. С. 9-17.
- – *Иванов А.М., Дорофеева М.А.* К вопросу об истории регулирования семейно-брачных отношений в Иране и Азербайджане // Теология, философия, право. №2 (10), 2019. С. 38-67.
- – *Литвинов В.П.* Государственное регулирование паломничества мусульман-шиитов Туркестана (конец XIX — начало XX в.) // Вестник КРСУ. 2014. Том 14. № 3. С. 36-42.
- – *Огородников П.И.* Очерки Персии. СПб, 1878. 396 с.
- – *Browne E.G.* A Literary History of Persia. Vol. IV. Cambridge: University Press, 1959. 490 p.

- – *Norman H.* All the Russias: Travels and Studies in Contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Causasus, and Central Asia. N.Y., 1902. 526 p.
- – *Cetinsaya G.* Ottoman administration of Iraq, 1890 — 1908. L.,N.Y., 2006. 243 p.
- – *Nakash Y.* The Shi'is of Iraq. Oxford, 1994. 312 p.

ОБ АВТОРАХ

Брахман Анастасия Александровна — PhD., специалист по раннесредневековой политической истории, политической коммуникации Оттоновского времени.

Омельченко Дарья Михайловна — к.и.н., научный сотрудник Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского института истории РАН. Сфера интересов: поздняя Античность, история христианства, Южная Галлия.

Шокарев Сергей Юрьевич — к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС, специалист по истории России Нового времени.

Мельник Александр Гаврилович — д.и.н., зав. Архитектурным отделом ГМЗ «Ростовский кремль», специалист по древнерусской истории и культам святых.

Евстратов Антон Геннадьевич — к.и.н., доцент кафедры Всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско — Армянского университета (Ереван, Армения), специалист по религиозным, идеологическим и политическим процессам на Ближнем Востоке, автор учебного пособия по политическому исламу, журналист - международник.

Майзульс Михаил Романович — к.и.н., старший научный сотрудник Центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ.

Келлер Андрей Викторович — д.и.н., PhD., с.н.с. Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, специалист по Новой и Новейшей истории, истории педагогики.

Бычков Павел Сергеевич — м.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по

культуре Франции, Англии и Нидерландов XIV — XVI вв.

Пименова Людмила Александровна — к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, сфера научных интересов: история Франции раннего Нового времени.

Болдырева Наталья Андреевна — к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по английскому антикварному знанию XVI — начала XVII вв., англо-русским культурным связям XVI — XVII вв.

Левинсон Кирилл Алексеевич — к.и.н., PhD. Сфера научных интересов: социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Герштейн Анна Борисовна — к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Луцицкая Светлана Игоревна — д.и.н., в.н.с., зав. Центра исторической антропологии ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов и христианских представлений об исламе.

Окунева Ольга Владимировна — к.и.н., PhD., специалист по истории Франции Нового времени, французским колониям в Южной Америке.

Ганина Наталия Александровна — д.филол.н., профессор кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова, специалист по истории немецкого языка, истории и культуре древних германцев, средневековой латинской и немецкой палеографии.

Уваров Павел Юрьевич — член-корр. РАН, д.и.н., зав. Отделом западноевропейского Средневековья ИВИ РАН, специалист в области западноевропейской истории Средних веков и раннего Нового времени, истории Франции, истории университетов, социальной истории Европы.

Яцык Светлана Александровна — к.и.н., научный сотрудник Центра истории, археологии и литературы христианских и мусульманских миров средневековья (CINAM) Национального центра научных исследований (CNRS), главный редактор журнала «*Vox medii aevi*», специалист в области интеллектуальной истории францисканского ордена, истории проповедей и автоматической транскрипции рукописей.

ABSTRACTS

A.A. Brahman

ANTAPODOSIS BY LIUTPRAND OF CREMONA, OR HOW TO GET A JOB AT THE SAXON COURT IN THE 10TH CENTURY

The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recreating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job». The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recreating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job». The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recre-

ating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job».

Keywords: Liutprand of Cremona, medieval historiography, self-representation, Xth century, intellectuals at the court

D.M. Omelchenko

«THE PATIENCE WITH WHICH RELICS SHOULD BE APPROPRIATED»: ABOUT SOME STORIES IN THE HISTORY OF THE CULT OF ST. CAESARIUS OF ARLES

This article systematises the evidence from various sources on the cult of St Cesarius, bishop of Arles (502-543). During the late Antiquity he was one of the main figures in the Church of Southern Gaul. Cesarius' cult had the potential to extend beyond Provence: the bishop was known as a wonder-worker not only in Arles, his sermons were popular in various parts of Europe, his status as the first papal vicar in Gaul could become an argument in foreign policy for Frankish kings and the papacy. For the first time in the West, Caesarius developed a Rule specifically for the ascetic community of women («The Rule for Virgins») and may have laid the foundations of the normative tradition of medieval female monasticism. However, the potential opportunities were never realized, and the cult of Caesarius remained local. Among the reasons are the following: the inconsistency of the bishop with the hagiographic model that prevailed in late Antiquity, the unacceptability for the Merovingians of his position in relation to the Arian kings, the burial of the saint away from the tombs of the martyrs, the peripheral status of Provence in the vast Frankish state. At the turn of the 20th-21st centuries, an unexpected surge of interest in the bishop's relics was caused by the restoration of his funeral vestments. The natural science methods used in the study of sacred objects made it possible to make

important observations in the field of material culture. Several museum exhibitions outlined the range of objects associated with the name of the bishop, archival work made it possible to clarify its history. These events have become a kind of «appropriation of relics» by Caesarius of Arles by means of the age of high technology. As a result, the bishop is now perhaps a more famous person than during the 1500 years that have passed since his death.

Keywords: Caesarius of Arles, relics, reliquaries, Southern Gaul, late Antiquity, cult of saints, natural science methods.

S. Yu. Shokarev

**«HIS DONATIONS ARE ICONS, BOOKS, AND MONEY...
AND EVERYTHING CANNOT BE ENUMERATED»:
THE VOLUME AND DYNAMICS OF IVAN THE TERRIBLE'S
MONETARY DONATIONS TO MONASTERIES**

The article is devoted to the analysis of Ivan the Terrible's donations to monasteries. The paper undertakes an assessment of the volume of donations to 10 monasteries in order to establish the dynamics and peculiarities of the tsar's patronage activities. It is revealed that Ivan the Terrible gave very large amounts of donations to the Trinity-Sergiev, Kirillo-Belozersky and Joseph-Volokolamsky monasteries (tens of thousands of rubles each), but donated less to other monasteries. The amounts of donations show that Ivan the Terrible adhered to a certain hierarchy of monasteries and gave different amounts of donations for the commemoration of divers members of his family. The number and volume of donations increased throughout Ivan the Terrible's reign, but the death of Tsarevich Ivan Ivanovich caused a rapid growth of donations for the soul of the heir to the throne himself and for the souls of the disgraced executed by Ivan the Terrible.

Keywords: Ivan the Terrible, History of the Russian Orthodox Church, monasteries, donations, church charity, Tsarevich Ivan Ivanovich, Trinity - Sergiev Monastery, Kirillo - Belozersky Monastery, Joseph - Volokolamsky Monastery, Solovetsky Monastery.

A.G. Melnik

A TOMB OF A SAINT IN THE SPACE OF A RUSSIAN TEMPLE OF THE 17TH CENTURY

The article is devoted to a comprehensive analysis of 49 tombstone complexes of Russian saints based on inventories of churches and monasteries, as well as certain scribe books. The main purpose is to reveal the main traditions or objective laws in the formation of these complexes, including the choice of their location in the space of a temple of the 17th century.

Keywords: burial place, relics, tombstone complex, temple, 17th century

A.G. Evstratov

LIFE OF SHI'I PILGRIMS IN NAJAF AND KARBALA IN THE 19TH CENTURY

The only pilgrimage as a «pillar of Islam» prescribed for every Muslim is the Hajj to Mecca and Medina, but adherents of this religion make «pious journeys» to other places. Sunni Muslims recognize holy cities that contain desirable sites to visit (for example, Jerusalem, considered the «third holy city», and the Al-Aqsa Mosque located there), however, these pilgrimages are not obligatory, but recommendatory. Shiite pilgrimages to the land of Iraq — primarily to Najaf and Karbala, on the contrary, have a status very close to mandatory. The first and third Shiite Imams, Ali and Hussein, are buried in these cities, respectively, in Najaf from the 18th-19th centuries. The main center of Shiite scholarship has been formed, and therefore the views and thoughts of millions of Shiite believers are directed here. At the same time, the Shiite pilgrimage, like the Hajj, is not only a purely religious action, but also a social one. People who visit holy places receive the nicknames «Karbelaï», «Najafi» (as well as «Mashhadi» — after visiting another center of pilgrimage - the Iranian Mashhad) and enjoy special respect from their coreligionists. In this study, we will look at the life of

pilgrims to the Shiite shrines of Iraq (the territory of which was called «Turkish Arabia», or «atabat») in the 19th century, because it was at that time that the traditional realities of the Muslim world in general and its Shiite part began to change rapidly. These changes are associated with a unique political situation (on the one hand, the presence of Shiite shrines on the territory of the Sunni Ottoman Empire, and on the other, the orientation of the local Shiite population towards Iran ruled by the Qajar dynasty, both states having a semi-colonial status), and with the rapid development of science and technology, and with a very peculiar ideological situation. Both Iran and the Ottoman Empire underwent secular reforms in the 19th century, and many significant Shia communities lived in territories belonging to the non-Muslim states of Russia and Great Britain.

Keywords: shia, islam, ziarat, Ashura, Kerbela, Najaf, Imam Ali, Imam Husain

M.R. Maizuls

ANTICHRIST IN BETHLEHEM? FROM VAN DER VEIDEN TO BOSCH

In the altarpieces created in the Netherlands in second half of the 15th and in the beginning of the 16th centuries, the *Adoration of the Magi* often served as the main subject. However, in Hieronymus Bosch's triptych, which is kept in the Prado Museum, it includes many iconographic "anomalies". They arouse the suspicion that there is a "double bottom" hidden in this image. The main clue to its interpretation is the appearance of an ominous character in a red cloak standing at the door of the manger. There are many versions of who this is. The most convincing of them postulates that Bosch introduced into the scene of the Epiphany the figure of the Jewish Messiah — Antichrist himself. He is not to be found in any of the earlier depictions of the *Adoration*. Nevertheless, we can trace the visual genealogy of this character. This article shows that the group consisting of the Antichrist and of his companions is derived from the group of men standing in the stable doorway in Rogier van der Weyden's *Triptych of St. Columba*. Bosch introduces the antagonist of the Savior into the joyous scene of the Epiphany and creates one of the most powerful and ominous images of

enmity surrounding Jesus. This visual interpretation was unusual, but not unique at the time. In late medieval depictions of the birth and infancy of Christ, we find a certain number of characters that incarnated (Jewish) unbelief. The author analyzes how Bosch constructs his characters and introduces into the image a series of ambivalent details that relate them to each other but make unambiguous identification problematic if impossible.

Keywords: Hieronymus Bosch, Rogier van der Weyden, Adoration of magi, iconography, eschatology, Antichrist, Church and Synagogue, enmity, color symbolism, visual ambiguity.

A.V. Keller

THE TABLE OF NATIONS IN THE CONTEXT OF CULTURAL STEREOTYPES ABOUT RUSSIANS AND GERMANS OF THE 17th — 19th CENTURIES

The article considers the regional identification of Russia in the European family of peoples with reference to The Table of Nations in the context of the mutual perception of Russians and Germans over a long time. The study is based on the theoretical principles of cognitive history, historical anthropology, and imagology. The methodology of the comparative approach involves internal and external perspectives, as well as two types of stereotypes: as a rule, more positive auto-stereotypes, or self-images, and hetero-stereotypes, or external images. The Styrian Table of Nations (Styrian Völkertafel) published in the Appendix is an exception in this case, since in addition to positive characteristics, the self-description of German-speaking authors contains negative characteristics. The Styrian Völkertafel as a historical source of "grassroots" culture found at the level of the Russian popular print makes it possible analyze ideas and stereotypes about the northern neighbor in two aspects, i.e. visual, with the possibility of turning the visual into the verbal, and textual. The article contains the first ever published translation of the Styrian Völkertafel into Russian.

Keywords: Styrian Table of Nations (Steirische Völkertafel), engraving of Friedrich Leopold, Russians, Germans, Europeans, cultural stereotypes, national images.

P.S. Bychkov

**BODY POLITIC, MICROCOSMOS AND ZODIAC MAN:
BODY METAPHORS IN ENGLISH AND FRENCH
RELIGIO-PHILOSOPHICAL AND POLITICAL
DISCOURSE OF 14TH — 15TH CC**

One of the most popular concepts during the Antiquity and Middle Ages was the metaphor of the body which manifested the ideas of unity and coexistence in harmony of various parts of the whole. It was closely tied up with the mythological imagery of protoplast on one hand and with the conceptualization of social unity on the other, for example, with the concept of Church as the mystical body of Christ. Microcosm was one of the embodiments of this image representing the idea of the indissoluble existence of the individual, his body and the rest of the world — this concept continued to be reproduced in the religious/philosophical texts of 14th — 15th cc. From this doctrine of microcosm also arose the Medieval medical theory of humors, fluids of human body, associated with four elements, at the meantime »zodiac man» was the equivalent of microcosm in Medieval astrology, visual representation of a belief in the impact of celestial bodies on the health and mental qualities of people. Finally, the metaphor of the body politic clearly demonstrated the unity of different estates in a single body of the state, it can be considered one of the first forms of reflection on society and politics in the 14th — 15th centuries.

Keywords: body politic, microcosm, zodiac man, astrology, humors, Jean Gerson, Nicolas Oresme, Philippe de Mézières, Christine de Pizan

L.A. Pimenova

**«ART OF THE WORD»: PROTESTANTS IN THE
OFFICIAL DISCOURSE OF THE FRENCH MONARCHY
OF THE 17TH-18TH CENTURIES**

The article investigates how during the period from the end of the Wars of Religion to the Revolution of the 18th century in France the

official terminology used to name the Calvinist minority was appeared and changed. Behind the choice of the word was the image that the authorities impressed upon their subjects. As sources, were used royal edicts and declarations, ministerial papers, documents of the Parlement of Paris and of the clergy assembly, as well as treatises, dictionaries and encyclopedias of the 17th-18th centuries. For many years, the official designation of the French Calvinists in all legislative acts was the cumbersome expression «adherents of the so-called reformed religion» which implied a resolute denial of the name of «reformed religion» used by the Calvinists themselves. With the publication of the Edict of Fontainebleau (1685) by Louis XIV, the term «new converts» began to be used to name the Calvinists, indicating that now all the subjects of the king had converted to Catholicism. The term «Huguenots» in the 18th century ceased to be used while speaking about contemporary realities. The evolution of religious policy of the government was accompanied by a change in official terminology. In the second half of the 18th century, when the question of the need to grant civil rights to Calvinists was discussed, in administrative correspondence between the king, ministers and magistrates of the Parlement of Paris, they constantly called adherents of other religions by their proper names and talked about Protestants and Calvinists. But in the text of the royal edict they were called «those who do not profess the Catholic religion». The terms «Protestant» and «Calvinist» were avoided by the authors of official documents, thereby emphasizing that there was only one recognized religion in the kingdom.

Keywords: 18th century, dictionaries, discourse, legislative acts, public space, Reformation

N.A. Boldyreva

**REFLECTION OF THE ANTIQUARIAN METHOD OF
«OLD CURIOS PERSON» WILLIAM CAMDEN IN THE
CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF
«BRITAINNIA»**

The article analyses the interpretation of particularities of the antiquarian method that was very popular among the European researchers of the 16th century in the Church Slavonic translation of W. Camden's

"Britannia". Created by the English antiquary this treatise was included in the fourth volume of the most famous world geographical atlas - the "New Atlas" of Blaeu. This volume was translated very accurately into Church Slavonic by Isaiah, the Little Russian scribe of the Chudov Monastery in the 1650s-1661 upon the orders of Patriarch Nikon.

The examples of archaeology, numismatics and epigraphies were examined. These auxiliary disciplines were just beginning to form in Europe in the late 16th - early 17th centuries. For the Russian state of the same period, it is not necessary to talk about a similar level of development of these areas of historical thought, so Isaiah acted as a pioneer, interpreting, for example, information about ancient coins, archaeological finds, that is, artefacts.

Keywords: antiquarian method, artifacts, numismatics, epigraphies, Camden, «Britannia», atlas, Blaeu, interpretation, Isaiah, «Vri-tannia»

K.A. Levinson

«HOW LIVED, WHOM LOVED, WHOM DIDN'T SHAKE A HAND WITH»: ON THE QUESTION OF ETHICAL ASSESSMENTS OF STUDENTS' BEHAVIOR ON THE FACULTY OF HISTORY OF THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN THE EARLY 1940ES

In the article on the material of memoirs of graduates of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University the specific ethos characteristic of this subculture in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s is considered. The author describes this ethos as complex, including academic ethos, political (or civil) ethos, and ethos of interpersonal relations. The analysis of sources shows that often these three elements were not separated in students'ethical perceptions and discourse. This syncretism of ethos brings them closer to the pre-revolutionary liberal Russian intelligentsia, although the political orientation of these two groups was different.

Keywords: university history, history faculty, Moscow State University, university ethos, history of Soviet academia.

A. B. Gerstein

THE CHAPTER «HOLY LAND» IN THE *ATLAS, OR COSMOGRAPHIC MEDITATIONS UPON THE STRUCTURE OF THE UNIVERSE AND THE FORM OF THE CREATED* BY G. MERCATOR — J. HONDIUS

The article reconstructs some of the scientific methods used by early modern geographers in composing so-called «Theatres of the World», that is descriptions of the different regions and countries of the world supplemented with maps. How these texts were composed? What sources were considered as texts of authority? Could the historical context influence the content, choice of words and names, characteristics of peoples and kings? The author seeks answers to these questions in the chapter «Holy Land» of the *Atlas, or Cosmographic Meditations upon the Structure of the Universe and the Form of the Created* by G. Mercator — J. Hondius. This paper is the first publication of the translation into Russian the chapter «Holy Land».

Keywords: *Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura*, G. Mercator, J. Hondius, cartography, description of the world, Holy Land.

O. V. Okuneva

«FLORILEGIUM SCIENTIARUM» AND THE STUDY OF HISTORICAL HERBARIUM

(*Rev.*: The Herbarium of Robert Erskine, Archiater and Physician-in-Chief to Peter the Great / edited by A.K. Sytin and D.D. Slastunov. SPb, Lubavich, 2022, 375 p.)

The book under review is the first critical edition of the *Herbarium* belonged to Robert Areskin, a fellow-fighter of Peter the Great, his Physician-in-Chief and President of the Apothecary's Garden in Moscow. The Herbarium was created in 1709 and composed of plant species from the vicinity of Moscow. This is Russia's first botanical collection of western type. The present critical edition is a part of

the huge research project «From the Kunstkamera to Herbal Science. The Development of Botany in Russia in the First Half of the 18th Century» conducted by Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences with the financial support of Russian Foundation for Basic Research. It demonstrates how productive the joint effort of botanists, historians, historians of science, librarians, archivists and museum custodians can be. The contribution of web designers, database developers and specialists in digital image processing neither can be underestimated. The review emphasizes the success of this interdisciplinary team and congratulates the editors on the way they revealed Herbarium's scientific, historical and cultural value.

Keywords: Robert Areskine (Erskine), Herbarium, Kunstkamera, Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences, Library of the Russian Academy of Sciences

N.A. Ganina

IN MEMORIAM NIGEL F. PALMER

The article is dedicated to the memory of Nigel F. Palmer, a regular contributor to 'Odysseus', an outstanding scholar, Emeritus Professor of German Medieval and Linguistic Studies, Emeritus Fellow of St Edmund Hall (University of Oxford), FBA (1946 — 2022).

Keywords: history of the German language and literature, Medieval German, medieval manuscripts of German-speaking countries, history of book

S.A. Yatsyk

IN MEMORIAM E. LE ROY LADURIE

This article covers the life and academic contributions of Emmanuel Le Roy Ladurie, a prominent French historian known for his association with the Annales school and his role in pioneering micro-history. The author traces Ladurie's biography, starting with his early

years in Normandy and his youthful political engagement, and concludes with his achievements in the academic field. Particular focus is given to Ladurie's significant contributions in introducing quantitative methods to historical research. The article underscores Ladurie's versatility as a scholar who engaged with various historical aspects, from personal life of occitan peasants to global climate change. Furthermore, it explores his involvement in digital humanities and the application of computational technologies in historical scholarship and librarianship.

Keywords: Emmanuel Le Roy Ladurie, In Memoriam

**Одиссей.
Человек в истории**

**ИСТОРИЯ НАУКИ
2023 №2 (31)**

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Художник
Б.А. Котляр

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объем — 29.31 усл. печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод — 130 экз.)
Зак. № 345

ИВИ РАН Ленинский пр. 32А